

Я все просилъ тебя не ходить къ нимъ страдать, а ты говорилъ, что это нужно.

Батюшка слушаетъ меня и тихо ласкаетъ и улыбается.

—Такъ ты и видѣлъ, будто я Христось? —спрашиваетъ онъ.

—Да, да! Потому ты самъ сказалъ, что ты Христось...

Батюшка задумчиво молчитъ.

Но вотъ я ужъ и дома. Мама встрѣчаетъ насъ и освѣдомляется, гдѣ я такъ долго пропадалъ. Батюшка объясняетъ мамѣ, въ чемъ дѣло, и, поцѣловавши меня и благословивши, уходитъ домой.

Мнѣ уже приготовлена постелька. Быстро раздѣвшись, я бросаюсь въ нее, и мнѣ пріятно лежать близъ мамы и думать про сонъ, и хочется снова увидѣть Христа.

Теперь уже я нетотъ, что былъ въ дѣтствѣ. Жизнь—борьба своей грязью и тьмою заглушила во мнѣ то свѣтлое, чистое и святое, что только присуще дѣтскому возрасту, и чего нѣтъ уже въ насъ, взрослыхъ, большихъ людяхъ. Нѣтъ уже во мнѣ той чистоты мысли, хотя еще и неразвитой, той безкорыстной, нѣжной любви неиспорченнаго дѣтскаго сердца, которыя такъ высоко цѣнили Христось, когда говорилъ: *вси не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное* (Мѣ. 18, 3).

И горько становится на сердцѣ отъ сознанія того, что ты испорченный человѣкъ,—горько и жаль своего дѣтства, своей непорочности и любви...

Вратья! будемте, какъ дѣти!

А. М.

Старинныя чувашскія вѣрованія.

(Продолженіе).

Поклоненіе киреметямъ (Киремете пуссапни).

„Киреметямъ поклоняются очень многими способами. Чтобы умилостивить ихъ, рѣжутъ утокъ, гусей, куръ, барановъ. Всякое умилостивленіе производится ночью. Зарѣзанную скотину или

птицу обязательно нужно съѣсть въ одну ночь, даже если семейство состоитъ изъ немногихъ человѣкъ; остатокъ нельзя ни оставлять до другого дня, ни отдать постороннему человѣку, ни выбросить. Больше рѣжутъ гусей или утокъ. Когда ѣдятъ жертвенное мясо, то нельзя ни малѣйшаго куска ронять на полъ; поэтому, чтобы не роняли мяса дѣти, ихъ обыкновенно уводятъ и запираютъ въ баню. Поѣвши мяса, не крестятся: „жертва не угождаетъ“, говорятъ. Жертву приносятъ слѣдующимъ образомъ. Чтобы узнать, угодно ли Богу приготовленное животное, обливаютъ его холодной водой и пускаютъ на землю: если животное встряхнется, то считается подходящимъ для намѣченной цѣли, въ противномъ же случаѣ обливаніе повторяется до трехъ разъ. Случается, что животное не встряхнется и послѣ третьяго обливанія; тогда приводятъ другое ⁸⁾, а обливать заставляютъ того, у кого рука легкая. Затѣмъ уже закалываютъ и варятъ въ котлѣ; ѣдятъ, не ломая костей. Если во время ѣды случайно придетъ шаберъ (сосѣдь), то жертва эта уже теряетъ свое значеніе, не угождаетъ, добра не бываетъ. Послѣ ѣды все, оставшееся отъ жертвеннаго животнаго: кости, перья и пр., собираютъ и несутъ на то мѣсто, гдѣ обитаетъ киреметь; проходя дворомъ, говорятъ: „Киреметь, помилуй!“ — и бросаютъ въ пользу киремети денежку. Если, несшему остатки жертвы на киреметь, навстрѣчу попадется человѣкъ и спросить: „куда идешь?“ — то отвѣчать ему не полагается, ибо жертва теряетъ свое значеніе, и жертвоприношеніе придется повторить“.

„Разъ такимъ образомъ шелъ чувашинъ къ киремети бросать остатки отъ жертвеннаго животнаго. Попались ему навстрѣчу русскіе и спрашиваютъ: „куда идешь?“ Чувашинъ молчитъ. Тѣ опять спрашиваютъ, а этотъ молчитъ. Тогда русскіе схватили его и стали бить; отпустили еле жива. Русскіе, оказывается, догадались, куда и зачѣмъ шелъ чувашинъ, но онъ выдержалъ и побои и ругань, не промолвилъ ни одного слова и отвесъ остатки по назначенію. Дойдя съ остатками отъ живот-

⁸⁾ То же самое продѣлывается и при празднованіи учука, см. далѣе.

наго до киремети, чувашинъ сначала дѣлаеть предъ ней земной поклонъ и, держа шапку за пазухой, говорить: „Малая киреметь, прости; великая ли киреметь, малая ли,—прости! Малая киреметь, не дай моему семейству несчастія; вотъ я тебя дарю гусемъ (бараномъ, уткой и т. п.). Большая киреметь, послѣ большой поменьше киреметь, послѣ двухъ большихъ еще поменьше киреметь—чук тебѣ, помилуй! Сухой киремети—сухой йусманъ (маленькая тоненькая лепешка)!“ — Вернувшись домой, всю посуду, въ которой была жертва и которой хлѣбали, бросаютъ въ текущую воду; потомъ чувашинъ кидаетъ шапку на землю и въ нее сыснѣ (непечатное слово). Старинные чуваша, почитая киреметь, вѣрили, что она своихъ истинныхъ почитателей всегда поддерживаетъ и старается за нихъ.

Киреметь, долго не получая обычныхъ жертвъ, нерѣдко снимается съ своего мѣста, запрягаетъ одну или пару бѣлыхъ лошадей и ѣдетъ для напоминанія о забытыхъ обязанностяхъ къ своимъ почитателямъ. Напоминаніе выражается всегда какой-нибудь бѣдой. Ни съ того, ни сего стряслась бѣда, а киреметь давно не умилостивляли—ясное дѣло: это она, осердившись, покарала“.

О поѣздкахъ киремети приведу рассказъ одного старика: „Я и самъ еще помню, что около нашей деревни Пашнелъ (Баишевой, Буин. у.) было четыре киремети. Одну звали—большая киреметь, другую—малая, третью—„пакша варѣ“, а четвертую—хѣрлѣ сыр“. Первые три были въ полѣ, а четвертая въ лѣсу. Въ одну осень наши домашніе, по совѣту йомзи, зарѣзали въ жертву гуся. У насъ маленькихъ дѣтей не было, а я самъ былъ уже большенькій. Съѣли мы гуся, а кости и другіе остатки мнѣ велѣли отвести на киреметь. Выпалъ не глубокой, новый снѣгъ; погода была ясная, и прекрасно свѣтила луна. Запретъ я лошадь, посадилъ съ собою мать, и поѣхали мы на большую киреметь. Проѣхали мы версты три и видимъ, что кто-то ѣдетъ къ намъ навстрѣчу. Мать строго-настрого запретила мнѣ говорить что-либо съ встрѣчнымъ. Потомъ ви-

димъ, что ѣхавшій намъ навстрѣчу человѣкъ стоитъ саженьхъ во ста влѣво отъ насъ. Приѣхали мы на киреметь; лошадь я подвелъ къ стогу сѣна, а мать пошла на дно киреметнаго оврага бросать остатки гуся. Когда мать вернулась назадъ, мы поѣхали домой. Человѣкъ, попавшійся намъ навстрѣчу, стоялъ все на прежнемъ мѣстѣ. Я сказалъ матери: „Это, видно, торговецъ; вѣроятно, онъ пьяный; возжи, чай, спустились, задѣли за что-нибудь и удержали лошадь“. Это было въ субботу. а на другой день у насъ бывалъ базаръ; нѣкоторые торговцы на квартиру заѣзжали къ намъ; поэтому я и задумалъ его взять съ собой и хотѣлъ было уже вылѣзть изъ саней, а мать и говоритъ мнѣ: „Не годится, Алексѣй! Нельзя этого дѣлать, иначе намъ придется рѣзать другого гуся“. У встрѣчнаго человѣка лошадь была большая, бѣлая; сани хорошія, глубокія, дуга высокая; у меня сердце не лежало на мѣстѣ (волновался), но все-таки послушался матери и не слѣзъ съ саней. На другой день утромъ я всталъ пораньше, взялъ ружье, лопату и топоръ, пошелъ по тому слѣду, по которому мы ѣхали вчера. Слѣдъ нашъ совершенно свѣжій. Дошелъ я до того мѣста, гдѣ вчера собирался слѣзть къ человѣку. Слѣдъ виденъ совершенно ясно. Пошелъ на то мѣсто (мѣсто я хорошо запримѣтилъ), гдѣ былъ вчера человѣкъ, искалъ вдоль и поперекъ—нѣтъ никакого слѣда. Пришелъ къ большой киремети, смотрю—ясно виденъ слѣдъ матери, какъ она спускалась въ оврагъ и поднималась оттуда. Потомъ пересѣкъ свой вчерашній слѣдъ и дошелъ до края лѣса. Ходилъ-ходилъ и не нашелъ, кромѣ нашихъ слѣдовъ, даже мышинаго слѣда. Когда пришелъ домой, рассказалъ обо всемъ матери. Мать тутъ только сообразила и поняла, что вчерашній человѣкъ былъ никто иной, какъ киреметь, которая долго ждала отъ насъ жертвы и наконецъ сама вышла намъ навстрѣчу. „И не принеси мы вчера гуся, бытъ бы какой-нибудь бѣдѣ!“ — прибавила мать“.

Поклоненіе столбу.

„Старинные люди еще кланялись столбу. Столбъ, которому поклонялись, былъ необыкновенный. На столбъ вѣшали лукошко, а въ лукошко сажали наряженную куклу, на которой были и одежда и нагрудникъ изъ пухратовъ (пухраты — продолговатныя, маленькія старинныя серебряныя монетки). Когда нужно было сдѣлать поклоненіе, тогда сначала варили кашу, жирно ее намасливали и ѣли у столба. Предъ ѣдой же молились и кланялись столбу съ разными словами. Этотъ обрядъ исполняли не все чувашы, а только злые, не любившіе жить съ людьми въ согласіи. Мимо этого столба боялись проходить все люди. Если приходило во дворъ чужое дитя и подходило къ заветному столбу (онъ содержался хозяиномъ на секретномъ мѣстѣ), то у членовъ семьи ребенка бывали чирьи или же растяженіе жилъ. Боясь этого, дѣтей отъ такихъ сосѣдей старались какъ-нибудь отучить, и сами не ходили къ кланяющимся столбу; только кланяющіеся столбу сходились между собой; поэтому ихъ называли столбопоклонниками“.

Поклоненіе дву рѣки (оврага) (Сырма тѣпне пуссапни)

„Этотъ обрядъ совершается осенью послѣ того, какъ выпадетъ снѣгъ. Сначала варятъ мимерь⁹⁾, въ срединѣ котораго дѣлаютъ ямку для масла; еще лѣпятъ изъ тѣста подобіе фигуры человѣка, съ носомъ и пупкомъ (сѣмсаллѣ кѣвапаллѣ); на одной сторонѣ фигуры отпечатываютъ изображеніе креста, въ самомъ центрѣ выщипываютъ ногтями углубленіе, съ краевъ же отщипываютъ въ трехъ мѣстахъ; отщипленныя крошки кладутъ въ мимерь, а потомъ все выносятъ на рѣчку и бросаютъ въ воду, говоря: „О паступленіи на новый снѣгъ чукъ дѣлаемъ! Земной отецъ, земная мать, помилуй! Путь-дорогу дѣлай счастливой!“ Потомъ фигуру крошатъ на мелкія части и ѣдятъ въ память о мимерѣ. Когда кто-нибудь тонулъ (но былъ вытащенъ) и испугался воды, то справляетъ слѣдующій обрядъ. На гор-

⁹⁾ Толокно, сваренное съ масломъ; родъ нашего киселя, одно изъ самыхъ лакомыхъ чувашскихъ блюдъ.

бушку хлѣба насыпаетъ соли, продѣваетъ чрезъ горбушку нитку и бросаетъ ее въ воду или же дѣлаетъ изъ мякиша изображеніе человѣка и, бросая въ воду, говоритъ: „Вода, не держи (не наказывай, не карай!) Если схватила (покарала), то освободи,—вотъ тебѣ хлѣба. Водяной отецъ, водяная мать! если схватили, то освободите. Водяныя дѣти, водяныя главы (начальники)! не держите меня, примите эту мою жертву! Я ее даю вамъ, находящіеся на днѣ рѣки, главы рѣчныя! Не держите меня!“ Проговоривши это, бѣжитъ безъ оглядки, всю дорогу крича свое имя. Перестанетъ кричать только тогда, когда добѣжитъ до деревни“. Если и послѣ этого, пострадавшій отъ воды не оправится, дѣлаютъ такъ:

Ирихъ ¹⁰⁾ (Иёрѣх)

„Иёрѣх духъ очень злой, сердитый и щепетильный. Если человѣка скрючить ирихъ, то все тѣло его покрывается чирьями, язвинами и ранами. Ирихъ не выносить ни малѣйшаго оскорбленія; отъ него люди страдаютъ болѣе всего. Ирихъ умиливается многими способами. По повелѣнію йомзей, чтобы умиротворить ириха, направляютъ его гнѣвъ на сосѣдей; деньги, нухраты и йусманы бросаютъ и пр... Бросая говорятъ: „Ирихъ, не держи (не наказывай)! Вотъ, о твоёмъ имени бросаю, свою злобу самъ бери, мое доброе мнѣ отдай!“ Когда ириху бросаютъ что-нибудь, строго воспрещается смѣяться, а когда возвращаются домой,—оглядываться назадъ и говорить съ встрѣчными. Дома еще разъ ходятъ къ йомзямъ справиться, принята жертва, или нѣтъ. Если йомзи скажутъ, что не принята, тогда нужно другой разъ итти и бросить ириху что-либо. Кто поднимаетъ брошенные ириху жертвы, того въ свою очередь ирихъ наказываетъ.

Ирихъ вотъ какимъ образомъ начался ¹¹⁾. Въ старину у

¹⁰⁾ Объ ирихѣ см. еще прим. 1-е.

¹¹⁾ Это сбивчивое преданіе объ „открытіи“ ириха, какъ и все прочее, записано со словъ Буинскихъ чувашъ. Чуваша Казанской губ. имѣютъ, кажется, другое представленіе объ ирихѣ (ср. съ прим. 1-мъ). Какое по-